

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ

СТАЛЬ

роман

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Васильев

Сталь

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Васильев А. Ю.

Сталь / А. Ю. Васильев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Этот роман чистый вымысел, всё, что в нем происходит, выдумано автором от начала и до конца. Однако это не фэнтези, не научная фантастика – это роман- предостережение. Он охватывает прошлое и одновременно - возможное будущее России. Прежде всего потому, что без прошлого нет будущего, и с теми, кто не помнит своего прошлого – прошлое случится опять. Читать или не читать – это ваше дело. Но помните – эта книга про вас. В книге герой ищет свои корни. Поиски приведут его к невероятным открытиям. Содержит нецензурную брань.

© Васильев А. Ю., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

На сломе эпох	5
Обретая утраченное	6
1	7
2	13
3	19
4	25
5	31
6	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Моей маме и моему отцу посвящается

На сломе эпох

Роман «Сталь» – сам, как из стали. Прочная конструкция, мощная, негибкая, населенная живыми людьми, ищущими ответы на самые важные вопросы. Герои углубляются в дебри непроходимого леса, чтобы понять – кто они? Откуда? Почему такие? В чем смысл их имени, названия, прозвища?

Фантастический антураж романа «Сталь» никого не должен вводить в заблуждение – он – про нашу сегодняшнюю жизнь. Роман беспощадно фиксирует очередной слом эпох, свидетелями и участниками которого являемся мы все. Он пронизан трагическим предчувствием, которое многие из нас так же четко осознают, от которого предпочитают отмахиваться. Роман – местами страшный и безжалостный, местами сентиментальный и нежный, но всегда страстный. Он захватывает и ведет тебя вслед за его героями, предтечей которых несложно найти в русской классической литературе. Роман «Сталь» является достойным продолжением этой традиции. Ее философии. Ее языка. Ее метафорического ряда. Это произведения – не про людей вообще, это про нас. Про ту самую «новую историческую общность», сформировавшуюся на огромном пространстве от Балтийского моря до Тихого океана. Это попытка расшифровки ее ДНК, это настоящее исследование, честное и глубокое.

Андрей Васильев – прозаик, драматург и режиссер. Принципы театрального действия можно разглядеть и в его прозе, где драматическое напряжение, минуя свои пики, не ослабевает на протяжении всего повествования. Но проследив за перипетиями лихо закрученного сюжета, читатель неизбежно возвращается к самым главным вопросам, заданным исподволь еще на первых страницах романа, который нужно читать внимательно, удерживаясь от желания заглянуть в конец, чтобы узнать, чем все кончится.

Борис Ентин, кандидат искусствоведения.

Обретая утраченное

Читатель этой книги должен быть готов к знакомству с необычной, неожиданной прозой.

И дело не только в том, что это приключенческая антиутопия. Сама ткань этого текста такова, что предполагает погружение читателя в переплетённый с ходом загадочных событий поток раздумий главного персонажа, Николая. А погружение это повергает читателя в состояние нарастающего предощущения чего-то загадочного и страшного. Как тут не вспомнить о характерной черте Хичкоковской эстетики кинематографа, о саспенсе. Впрочем, о кинематографе стоит здесь вспомнить ещё и потому, что это прозаическое произведение напоминает по самой своей структуре киносценарий: тонко проработанные диалоги, насыщенные внутренние монологи Николая, при чтении которых невольно думаешь о том, как они могут звучать за кадром возможной киноленты...

Все персонажи этого произведения отчётливо индивидуализированы и узнаваемы: Николай ни за что не перепутаешь с Иваном, Ивана – с Тихоном. Рельефно и ярко изображена Эмма. Даже «бессловесные» пигмелилипуты обрисованы чётко и ярко.

Если же ответить на вопрос о сюжете этого романа, то в нём речь идёт о том, как одни беззащитные человеческие существа превращаются в пигмеев не только телесно, но и нравственно, а другие умеют не только сохранить в себе добрые человеческие свойства, но и заново обрести, казалось бы, навсегда утраченные – едва ли не на генетическом уровне – светлые качества.

Пётр Кобликов, член Российского союза Профессиональных литераторов.

1

Так он ему и сказал. Так и сказал: «Не знаю, мол, не знаю, не помню, ни черта не помню. Слышал что-то вроде, слышал когда-то, да когда это было...» А потом лег, влепив в почернелую подушку свалявшуюся, отяжелевшую голову, повернулся к стене и затих, и засопел, как ни в чем не бывало, спокойно так, мирно засопел, всхрапывая на конце длинного вдоха.

Ничего не сказал.

А он ждал. Сидел и ждал, глядя на упрятанную в засаленную овчинную душегрейку, узкую спину старика, не отводя глаз, будто спина могла заговорить, будто ему случалось видеть, чтобы спина заговорила. «Я не уйду, – думал он, – я не уйду, я буду ждать, может быть он вспомнит, когда проснется, может быть, когда проспится, когда теплая рисовая водка, которой я поил его, испарится и отпустит его разум, он вспомнит, где и что слышал про этих людей. А если не вспомнит? Если не вспомнит, потому что нечего вспомнить, если он лжет о том, что слышал, если он все выдумал только для того, чтобы получить эту проклятую водку – что тогда? Куда идти, с кем говорить, кого спрашивать в этой пустынной, забытой богом и людьми, стороне, что горбится редкими вымершими деревьями, в одной из которых, кажется, в последней по счету, чудом сыскался одинокий этот старик?..»

О старике говорили ему третьего дня в деревне, что стоит выше по течению большой реки, которую местные зовут теперь по-разному: кто по-русски, кто по-китайски, а кто и на странной смеси языков, в которой угадываются твердые русские звуки, принужденные жить теперь рядом с насмешливыми китайскими. Говорили, впрочем, неуверенно, поджимая губы, взмахивая руками: «Кто его знает, жив ли еще, старик-то, а и жив – так в своем ли уме?.. Спроси у него, ежели он не знает, то и никто не знает про тех, которых ты ищешь, про которых спрашивашь, стучась под окнами, тревожа добрых людей. Сходи до него сам, всего-то верст десять-двенадцать. Водки возьми, не скупися, русской-то нету, давно нету, рисовой возьми, все равно ему, тушонки возьми, хлеба, больше возьми, ступай утром пораньше, авось застанешь, авось не прогонит, авось жив еще, авось узнаешь чо-нить, авось загинешь там вместе с ним...»

О последнем, понятное дело, не говорили – молчали.

«Пойду, – отвечал он, – пойду, – кивая головой, чувствуя, что знают, что не скажут, что ежели старик помер, или спятил, или запрется и говорить не станет – не у кого будет узнать». Вся надежда на водку, которая одна в целом свете способна развязать даже самые молчаливые языки.

Не помогло.

Он сидел, глядя на стариковскую спину, не думая уже ни о чем, чувствуя, как в застойном, ветхом тепле избы тает его утомленное тело, как плывут перед глазами, качаясь, старик и его спина, и прямо над седой головой с дожелта истертым прикладом, маленькое, словно игрушечное, ружье, и расчерченные бревнами, стены, увешанные стариковским скарбом, всякой снастью, всякой дрянью, как уплывают, унося с собой его заботы, желанья – вдаль, вдаль... Он мотнул головой, будто боялся заснуть, будто нельзя было ему заснуть, будто заснув, пропустит он важное, нужное.

– Что?..

Он пробудился на мгновение от звука собственного голоса, и вновь пожалел, что забрался сюда, в этот лес, в эту глушь.

Он ненавидел минуты сожалений, горьких, пустых – что толку горевать, что толку сожалеть, жалеть себя, времени, потраченных сил, а паче – иллюзий, надежд, что проку?! Разве может, пожелай он, вдруг подняться и унести, и оказаться у себя в Подмоскowie, в прозрачной тишине исхоженного редкого леса, в новом неведении, которое рано или поздно вновь выгонит его из дома? Он собирался черт знает сколько лет, все собирался, обещая, все гре-

зил, все откладывал, опасаясь разного, а более – беспокойства, отговариваясь большими или меньшими нуждами, отталкивая подступавшее решение, отталкивать не желая, желая знать – только и всего. Он хотел знать – откуда он, из каких? Кто он, его отец, и больше – его народ, кто он есть, или скорее – кто он был?

Да.

Был.

Потому что почти исчез, растворился в пространстве, в переменчивом времени, в изменившейся, некогда великой стране, которая, пережив череду, увы, предсказуемых потрясений, последнее из которых сказалось роковым, сжалась наконец до размеров княжества Московского, вместе с неохватными, отложившимися территориями утратив и собственное имя – Россия. И только русский язык, с купеческой широтою, совершив множество приобретений во множестве пришлых языков, носители которых жидкими волнами то и дело накатывали на небогатое княжество, сделавшись от этого только шире, звуча в сознании и вовне, силой своей и бездной поражал его, называя имя его семьи, его корня, его народа.

Сталь.

Так звучало оно.

Так звенело. Стальльльль...

Что это за имя? Откуда оно – он хотел знать.

Лет десять тому, когда стал занимать его этот вопрос, еще был жив отец. Но и отец не знал. А, может быть, знал, да не сказал. Сколько раз казалось ему, что отец собрался и скажет, но отец шевелил сухими губами, шурясь, длинно смотрел на него, и не говорил. Он боялся – это сын понял позже, много позже, когда не стало уже отца, когда, в поисках собственных корней, в день своего тридцати трех летия, будто по обещанию, заглянул он, за неимением семейного, в архив государственный, в прохладном, гулком фойе которого, заполнил карточку, отпечатанную на узком листе зернистого картона, а заполнив, получил доступ к немногочисленным газетным статьям и несекретным документам. Он провел в архиве весь день, и следующий, и еще, но так и не нашел там ничего, кроме скучных дат и невыносимо скучных констатаций событий давних, которые, сплетаясь в непрерывную длинную цепь, однажды привели к катастрофе.

Отец боялся.

Чего?

Чего он, Сталь, органическая часть этого странного, если верить архивам – исконного народа со странным именем Сталь, боялся, живя в бывшей России – теперь некого было спросить. Комар запел, запел над ухом, задрезжал высоко, плавно выводя изгибы голодного своего полета, смолк. Он почувствовал укол микроскопического инструмента, проникновение, равнодушие. Будет чесаться, будет, будет, потом перестанет, потом прилетит другой комар, третий, четвертый. Сколько еще ждать, когда проснется старик, когда скажет, соизволит, вспомнит, забудет – знает, не знает? И на черта ему все это нужно? Зачем?

Он пытался думать – думать не получалось, не получалась даже ругань, не рождалась, глаза закрылись сами собой, его качнуло, он мотнул головой, приподнялся, не разгибая ног, шагнул к узкому угловому, заваленному чем попало, топчану, сгреб барахло, свалил на пол, вытянулся.

Будь, что будет.

– Ты чо?..

Он открыл глаза – старик склонился над ним, шурясь глядел в самый лоб, будто целился.

– Я? Прилег на полчасака...

– Прилег? – старик улыбнулся черным ртом, крикнул.

– Прости.

– Полсуеток, как прилег, – хохотнув, взвизгнул старик.

- Как?
- Так! Добудиться не могу. Ты пришел в пятницу утром?
- Ну?
- Баранки гну!
- А теперь?
- А теперь суббота к концу, эвон... – старик залился.
- Устал.
- Знамо, устал.
- Устал я.
- Тебя как звать-то?
- Николаем.
- Николай, стало быть.
- Ему показалось, что старик не поверил, услышав его имя.
- Чудотворец будто?
- Сталь, – спешно прибавил он, – Николай Сталь.

Старик не изменился в лице, не переменял позы, а так и стоял, согнувшись, глядя ему в лицо.

- И документ есть?.. – с удовольствием ударив на «у», старик сощурился.
- Есть.
- Покаж.

Старик ловко пролистал паспорт, заглянув, куда надо было заглянуть, повертел в руках, вернул неохотно.

- Христов возраст...
- Что?..

– Голодный? – в эту минуту со странным опозданием почуял Николай набежавший липкий запах горячего тушеного мяса.

- Не знаю. Рано еще.

– Это смотря какая рана, а то и собака не залижет, – все еще вглядываясь, между прочим произнес старик, – ну, как знашь. Я голодный, ись буду. Ты, ежели хочешь, бери ложку, садись. Тебе ишо идти.

- Куда?
- К людям тебе надо.
- Куда?
- Домой, домой.
- Зачем?
- Домой!

Старик повернулся, шагнул к длинному, давно не скобленному столу, сел, так сидел минуту или две, наконец поднял руку, важно перекрестился, потянул стоявшую на краю плоску, из черной, одноухой кастрюли бухнул в нее чего-то густого, пахучего, придвинул.

– Домо-ой, – протянув, повторил, будто боялся забыть, – домой, домой. И то сказать, пора.

- Не пойду.
- Пойдешь.

* * *

- Гонишь, значит?
- Гоню. Некогда мне тут!.. – старик отхлебнул из ложки, охнул, отхлебнул еще.
- Занят?

- Занят. Да.
- Чем бы?
- Не твое дело!
- С боку на бок перекатываешься?
- Докладывать мне ишо?! – старик облизнулся, сверкнул глазами.
- Не пойду, – через паузу, спокойно и твердо произнес Николай, подсел к столу, взял со стола березовую ложку, повертел, отер рукой, рукавом, зачерпнул дымящееся варево, бухнул в миску, вдохнул.
- На хер оно тебе?! – захрипел старик.
- Надо, – не поднимая глаз, буркнул Николай.
- На-адо – старик скривил рот, выдохнул с паром, – зачем надо-то?!
- Надо. Знать хочу.
- Ну и дурак, – старик заерзал на скамье, почесал бороду, снова поерзал, – не знать-то лучше, лучше не знать!
- Почему?
- Что ты? – старик выставил заросшее шерстью ухо.
- Почему лучше?
- Потому! Не знаю я, ничо не знаю про Сталей этих, были ли, не были, все это басни, выдумки, болтовня, наговоры!
- Ой ли?
- Знамо! Городят, городят люди-то, от скуки плетут небыль всякую! – уже кричал старик, не замечая крика, – и я с пьяных глаз нагородил, наговорил тебе, а ты и уши развесил!
- Да ты помнишь, что ты сказал?
- Чо бы ни сказал! Соврал! Соврал я!!!
- Ничего ты не сказал.
- Старик выдохнул, опустил глаза, узкие плечи, припал к миске, будто и не было никакого разговора, будто остался один.
- И не скажу.
- Ну, черт с тобой, – Николай зачерпнул еще, старик поднял было голову, глотая горячее, силясь возразить, не поспевая, – а я не уйду!.. – Николай сердился и, думая, и желая сдержаться, не сдерживался, испытывая странную сладость, как пули, выплевывая слова: – Ты не поможешь – других найду, другие помогут, другим заплачу, кому деньги нужны, тем заплачу, а ты сиди тут один, подыхай, лежи тут один без жратвы, без денег, а зима придет – сдохнешь зимой, окалеешь, ни запасов у тебя, ни сил, ничего, сети все гнилые, рваные, два патрона на всю жизнь, два, два только – вон они на окне валяются, в стволе-то у тебя мыши завелись!..
- Проверил?
- Смотрел.
- Ну?..
- Чем жить-то будешь?
- Нечем.
- Черт с тобой!
- Я-а... – старик вытянул тонкую шею, глянул округлившимися детскими глазами, глотнул.
- А я уйду, завтра уйду, к другим уйду! А ты тут, как знаешь! Как знаешь! Не хочешь – как хочешь!
- Я-а... – серые стариковские брови влезли на лоб.
- Говорили мне, говорили, – сердито продолжал Николай, – глупый, мол, старик, вздорный, дурак-человек, совесть пропил, мозги пропил!
- Кто?!

- Говорили!
- Кто говорил-то?
- Люди говорили.
- Люди... – старик отложил ложку, выпрямился, – разве это люди?
- Люди! – выкрикнул Николай.
- Вот Сталь были люди.

Еще сутки ушли на уговоры, раздумья, которым вдруг придавался старик, замирая на пол-слове, на пол-вдохе, обдумывая какую-то мучительную, проклятую думу, которая, будто гладкая тяжесть, снова и снова срывалась с руки, не позволяя себя поднять, стремясь к неподвижности, не даваясь.

За первыми мелькнули вторые сутки, третьи. Николай ждал, понимая однако, что будет ему поворотить оглобли, что, сидя здесь, он лишь тратит время, которого у него нет, самую ту неделю, которую не без труда выпросил он у хозяина араба, плюсом к китайским выходным. Старик, меж тем, все больше лежал в избе, скрестив руки, вытянувшись, как покойник.

Молчал.

«Напрасно я, напрасно все это, – думал Николай, стоя на высоком речном берегу, глядя на военные китайские катера, бежавшие по реке с беспокойным стуком, – зря, – думал он, временами забредая в лес, не решаясь углубиться, высмеивая в себе странную, детскую трусость, – ну лес, – говорил он себе, – лес как лес, только разве темен, густ больно, а в остальном тот же. Деревья, кусты, лес, подлесок, бывает, что завален павшими деревьями – не перелезешь, бывает чист, бывает и полянка выберется, и солнце, а ягод, ягод!»

Последний разговор со стариком был короток. Сказал Николай, что назавтра уйдет окончательно, просто сказал, без нажима, без крика, потому что собрался.

– В последний раз по ягоды схожу недалеко, а ты подумай, дед, подумай, – проговорил он без всякого выражения, так, на всякий случай, и, постояв, услышал тишину.

Ничего не ответил тот.

Ничего.

Черника ковром стелилась от самого крыльца, выставляя сизые, набухшие ягоды, выхвываясь. Сгибаясь, подхватывая кисло-сладкие плоды, Николай шел, вспоминая густую тишину дома, лежащего старика. Глупое свое положение, и речи свои глупые, и стратегию, и тактику, тьфу! Деньги стал предлагать, сразу стал предлагать, поил и предлагал, с этого начал, дурак, с глупого начал, торопился, скорей хотел, спешка, вечная, проклятая спешка, а надо было выслушать, по душам поговорить, намолчался, небось, намыкался, один, один в лесу, один-одинешенек, а ему все некогда, все некогда – теперь будет время, теперь будет! И помечтать, и подумывать, и погоревать! Не солоно хлебавши придется, уйти придется ни с чем, в другой раз когда еще, когда еще добраться до Байкала, до лесов этих, в которые ведут следы народа по имени Сталь? Разве хватит ему в другой раз денег, сил, решимости лететь сюда опять, плыть, ехать, идти, ползти, разве сможет он в другой раз, разве поднимется?! И теперь бы не поднялся, да друзья его, Соня и Джон, затеяли внезапную эту поездку в Китай, что простирался теперь до Карского и Баренцева морей, застелив шелковым своим одеялом пустынные Урал и Сибирь. Они уговаривали – он согласился, согласился поехать развлечься, как в последние годы ездили из княжества все, кто желал бессмысленных и шумных, дешевых китайских развлечений.

Подумал: заодно.

Только подумал.

Про Байкал вычитал он в архиве, в пожелтелых, пробитых точками казенных пишущих машин, бумагах – там было сказано, что народ этот – Сталь, сжимаясь и мигрируя, по некогда неохватной территории бывшей России, в последний раз был замечен за Байкалом, с тех пор следы его терялись, упоминания более не встречались, и о судьбе народа оставалось только гадать. «Какого черта?! Почему здесь?! Зачем, за каким дьяволом забрались они в эту глушь, в

эти леса, в эти горы, кого или чего боялись они, с кем или с чем боролись, сражались – с китайцами? Об этом не было в архивных бумагах ни слова, ни намек. Было бы, ежели б сражались, было б непременно!.. Так почему не убереглись, не спаслись даже здесь, в тишине, в безлюдье, в лесу, и что, черт возьми случилось?! Эпидемия, мор, истреблены, бежали, боялись?..

Отец боялся.

Чего?!

Вопросы кружились, превращаясь в непрерывную, ровную полосу, он шел по лесу, не разбирая дороги, механически переставляя ноги, мимодумно огибая препятствия, позабыв о своих страхах, позабыв про ягоды, снова и снова задавая вопросы, отыскивая ответы, признак ответов, их запах, тень. Вдруг впереди, за соснами, чуть выше, левее, мелькнуло что-то, затаилось, опять. Он встал, взгляделся – маленькие, в три четверти его роста, люди, четверо или пятеро, замерев, смотрели на него. «Дети? Откуда? Здесь?..» Он шагнул, дети шарахнулись, он прибавил шагу, остановился, попятился, спустился, понизу, обогнув каменистую горку, вышел с другой стороны – все одного роста взрослые мужчины, которых видел он ясно, шестеро взрослых, одетых в истлевшее, рваное, черное, низкорослых мужчин, замерев на мгновение, рассыпались, оставив его одного.

– Стойте! – крикнул он в пустоту, – стойте!..

Лес откликнулся эхом.

Затих.

«Кто это, кто здесь?» Николай зашагал назад, страх обнял его, толкнул. «Господи! – он уже бежал в сторону стариковской избы, машинально повторяя, – кто это, кто они, кто-о?! – оглядываясь, думая одновременно: сколько же во мне страху, откуда, откуда столько, зачем?!»

Изба не появлялась, лес, всюду лес, кажется знакомым, но не знаком, одинаков, всюду одинаков, будь он проклят, этот лес, будь он проклят!!!

Николай остановился, огляделся, на лбу, на руках, голове выступила испарина, он ощутил собственный запах, на который из глубины леса тянулись теперь сонмы комаров. Он сломал ветку орешника, взмахнул раз, другой, комары качнулись на короткой воздушной волне, еще, взвыли тысячи крыльев.

Атака.

Он задергался, шлепая себя со всех сторон, размазывая кровь, пытаясь думать. «Я шел, шел снизу вверх, меж холмами, или горами, нет, нет, это не горы, не горы, больно низки, холмы, даже и не холмы, а так, холмики, горки, заросшие лесом, с выступающими то тут, то там, мшистыми валунами. А обратно, как обратно-то, как бежал, так же ли, как шел, или по-другому, как придется, как-нибудь? Как, как?!» Он все оглядывался, взмахивая веткой, понимая, что заблудился, что не выйдет, что через час – другой станет смеркаться, лес почернеет, зевнет и проглотит его, как проглотил он народ по имени Сталь.

2

– Ау-у-уу!!! – Николай крикнул так громко, что на глазах у него выступили слезы, – ау-у-уу, ау-у-уу!!!

«Господи, господи, – неслось в голове, – не выйти, не выбраться, рядом, вроде рядом, а никак!»

– Ау-у-ууу! – продолжал он, теряя надежду, переступая, кружа, – ау-у-ууу, ау-у-уууу.

«Боялся, неспроста боялся, – думал Николай, – и там, дома, боялся, и здесь, и ни в первый день, ни в другой в лес не ходил, не хотел, да вот забыл, пошел, дурак, пошел, что теперь?!»

– Ау-у-у!!!

Тишина. «О, господи, господи!»

– Где тебя черт?!. – старик звонко хлопнул его по затылку, как хлопнул бы своего непутевого внука, – растяпа, еще!

– Ты?!

– Тоже мне, городской, умный, а туда же, в лес!

– Заблудился.

– Растяпа!

– Прости меня.

– Куда полез-то?! Зачем, за каким чертом?!

– Сам не знаю.

– Дура! Пропадешь ведь, дубина! Не знаешь, так куда лезешь?!

– Гулял.

Старик выругался крепко, зло.

– Я видел...

– Что?

Они шли уже обратно к избе.

– Видел!

– Кого?

– Людей! Маленьких!

Николай принялся рассказывать, захлебываясь, входя в детали, старик слушал, поджав губы, косо взглядывая на Николая.

– Кто они, кто?! – старик многозначительно молчал, под ногами при каждом шаге трещали мелкие сухие сучья, ковром устилавшие лес. – Может быть, они знают?

– Кто?

– Не знаю, кто они, но я видел их, видел, как тебя!

– Не ори.

– Может быть, они знают? – продолжал Николай, – может знают, скажут?

– Надоел ты мне, – перед самой избой старик вздохнул, потянул дощатую, обитую тряпками, дверь, вошел, сел на кровать, помолчал, – и однако прав ты, не пережить мне зимы, никак не пережить, деньги нужны. Лето к концу, а я ни грибов, ни рыбы не засушил, и патронов нет, и неводок дрянь, дыры одни, да и таскать его не с кем стало, неводок тот.

Старик отвернулся, затих, и понемногу становилось ясно, что он что-то скажет, что готов, что знает, что мнется, выдумывая, вымучивая условия, потому что боится продешевить. Николай ждал, он привык ждать, понимая – сколько не понукай, быстрее не будет. На всякий случай приготовил он карандаш и бумагу, и, присевши неподалеку, на глаза старику не лез.

– Это чо, протокол?

– Нет. – Николай смял бумагу.

– Ну-ну, – старик улыбнулся.

- Так, для памяти.
- Стало быть хочешь ты, чтобы рассказал я тебе?
- Хочу.
- И ты из самой Москвы свалился, чтоб меня, старого, послушать?
- Да.
- Старик опять затих, переваривая услышанное.
- Не верю я, – старик повел плечами, – не верю.
- Ты мой паспорт видел.
- Видел.
- Ну?
- Не верю.
- Чему?
- Ничему не верю.
- Не понимаю. – Николай встал, сел, снова встал.
- Не верю я людям, понимаешь?
- Нет.
- Совсем не верю, никому не верю, никому! – старик кивнул и для убедительности махнул рукой, – как там она, Москва-то?
- Стоит. Что ей сделается.
- Так вот и про Рассею думали.
- Плохо думали.
- Плохо, – согласился старик, – теперь не передумаешь. Поздно. Ну давай, спать давай, утро вечера удалее.
- Не могу я больше, – вздохнул Николай.
- Что так?
- Некогда мне. – Николай сказал это почти без сожаления. – Послезавтра в Москве надо быть.
- Что ж ты на ночь глядя пойдешь?
- Пойду. Мне еще до города надо, там на самолет, да еще... Много чего.
- Далёко.
- Прости.
- За что? – старик поднял глаза.
- За то, что беспокоил, спрашивал. Видно, никто ничего не знает, видно, не узнать уж. – Николай шмыгнув носом, принялся собираться, а и собирать нечего.
- Может, и знают, – обиженно проскрипел старик.
- Никто ничего не знает, и ты не знаешь.
- Я-то?
- Знал бы – давно б сказал!
- Про что это?
- Ты знаешь.
- Про Сталей этих? Про них никто ничего не знает! Никто! Чтоб узнать – в лес идти надоть, в тайгу лезть!
- Зачем?
- Туда ушли, все ушли туда!
- Все?
- Все, все! Скрылися! Те, которых ты видел... – старик осекся, спросил, – ты видел ли?
- Видел.
- Сколько их было-то?
- Шесть.

- Мало.
- Кто они?
- Не знаю, – замявшись, обронил старик, – может, они есть, может, нету, может, знают, может, нет, только ничего тебе не скажут, нипочем не скажут, не подпустят даже!
- Почему?
- Потому что они, как и я, никому не верят!
- Почему?
- Вот заладил, почему, почему – потому!
- Почему?
- Боятся!
- Чего, – не унимался Николай, – кого?! Китайцев?..
- Людей!
- Почему?!
- Етит твою! – старик ударил рукой в руку, шумно выдохнул.
- Так почему?!
- Пострадали они, от людей пострадали, от всяких, от разных, понимаешь?!
- Понимаю.
- Ни черта ты не понимаешь!!! Пострадали они, погибли, все почти погибли, и боятся с тех пор, всего и всех, боятся, как черт ладана, боятся и будут бояться отныне и до веку!
- А кто их?..
- Не знаю я.
- Они что?..
- Что?
- Они тоже?..
- Что?! Что тоже-то?! – старик сверкнул глазами.
- Сталь?
- Дурак!
- Что?
- Дурак и есть.
- Что опять?! Что не так?!
- Все не так!
- Господи, – Николай вздохнул как-то по-стариковски.
- Заплатишь, говоришь? – глаза старика сделались маленькими, злыми, запрыгали, оставились, укололи.
- Заплачу.
- Сколь заплатишь?
- Сколько надо?
- Столько нет у тебя, – старик растянул бескровные губы.
- Ты откуда знаешь?
- Знаю. Так сколько?
- В юанях?
- В них.
- Не бойся, не обижу.

* * *

- Тыщ двадцать дашь?
- За что? За слова?
- Какие слова, – старик сплюнул, – говорю же – в лес идти надоть, в лес пойдем.

– Зачем?

– Там ответы, может там найдем кого, кто скажет, а не хочешь – как хочешь, насильно не поташшу, не бойся. Ну как?

– Что как?

– Пойдешь?

– Надолго это?

– День-два обернемся, скорей не выйдет.

Николай сел, уставился себе под ноги. Время, времечко... Даже если он сейчас, сию минуту бросится со всех ног в ту деревню, что в двенадцати верстах выше по течению, даже если завтра по утрам выберется из нее чем-нибудь, хоть по воде, хоть посуху, чтоб через сутки, не раньше, оказаться в большом китайском городе, название которого выскочило у него из головы, то и тогда, при самом благоприятном стечении обстоятельств, к послезавтраму не попасть ему в Москву, разве только к вечеру, а значит, как ни поверни, он опоздал, и оправдываться придется все равно. Да и работа эта... Эх, работа...

Нужна.

Хоть и платят копейки в гостиннице этой арабской, в которой застрял, согласившись на время, оставшись на годы, в которой работаешь, не покладая рук, вертишься, будто волчок, как проклятый, то встречая гостей, то починяя погубленное гостями имущество, а то и убирая номера! Чего только не приходилось делать ему, вечному дежурному, было даже роды принимал, а что ему оставалось? Случилось вечером, после ужина, когда не спал еще поток машин и потому, вызванная им «скорая» ехала, спотыкаясь, завывая, около часа.

Так случилось.

Муж стоял, растопырив руки, произнося вязкие, незнакомые слова, роженица – тоненькая, чернявая, почти подросток, вовсе не говорившая по-русски, кричала, как резаная, надо было что-то делать, хоть что-нибудь, все равно что, лишь бы помочь, и если не помочь, то хоть успокоить, уgomонить, да как тут уgomонишь?.. Слава тебе, господи, догадался принести теплой воды и полотенце, а то принял бы парня голыми руками, и завернуть было бы не во что.

Парень родился, мальчик. Он кричал, надсаживаясь, сгребая воздух красными руками, требуя чего-то, требуя неотступно. «Дай, дай, – прошептала мать единственное русское слово, которое успела узнать, – дай». Он отдал, мальчик потянулся, взял грудь, в эту минуту отец новорожденного, который во время родов стоял столбом, вытолкнул Николая из номера, не сказав даже спасибо, не сказавши ни слова, однако Николай не сердился, даже не думал, вспоминая всю эту кутерьму и запах крови, и растерзанный вид новоиспеченной матери, и странную тяжесть младенца. «Тяжеленький, – так он прозвал его, так звал в своих мечтах, когда думал о нем, о его судьбе, о том, где он теперь, что с ним случилось, и как поживает она, его чернявая мать, почти подросток, – ух, какой тяжеленький!..»

Он хотел жениться на Соне.

Всегда хотел.

С первого дня, с той минуты, как увидел ее. Он хотел ее всю, но как-то странно, и самому ему странно было странное его желание, которое обещало не счастье многочисленных соитий, не непрерывное торжество оргазмов, а что-то совсем другое. Ему хотелось обнять ее, взять на руки, баюкать, укрыть от зла, от всего мира, от глупости, болезни, от случая, ему хотелось хранить ее, прижав к груди, обняв.

Да.

Так.

Скорее ему хотелось стать ее отцом, хоть прежде все-таки была мысль о женитьбе, о детях.

Она хотела детей. Она говорила об этом беспрестанно, при всяком удобном случае забегала к своей многолетней старшей сестре и там отводила душу. И все же Соня оставалась без-

детной, незамужней, и не смотря на то, что десятки мужчин выказывали ей свое желание и расположение, с замужеством не торопилась. Может быть, она ждала его, Николая, его признаний, ухаживаний, цветов, звонков, писем, может быть. Она никогда не заговаривала об этом, называя его другом, она ценила его, как друга, хоть однажды случился у них внезапный секс, которого он отчего-то стыдился, затаптывая его в памяти, как затаптывают вывалившийся из печи уголь. Вот и теперь, при одном упоминании о той осенней ночи, он ощутил знакомый укол стыда, поежился. «А если ждет, если и вправду ждет?!» Он вспомнил удивленный, беспомощный Сонин взгляд, который ощупал его лицо, как только объявил он о том, что оставляет ее и Джона, чтобы отправиться на север, к Байкалу, который китайцы именовали так, что не выговоришь. В этом взгляде было сожаление и просьба не уходить, не покидать.

Да.

Просьба!

Он снова и снова вызывал в своем воображении Соню и ее взгляд, пытаясь препарировать его, отыскивая следы чего-то, чего не мог отыскать, не мог даже определить, покуда, уже отчаявшись, не набрел он на слово «любовь». Он хотел отыскать там любовь, он хотел, чтобы Соня любила его, ну конечно! Он хотел любви! А сам-то он, сам-то разве любил, разве он любил Соню, чтобы требовать от нее ответной любви, разве то, что испытывал он по отношению к ней, можно назвать любовью? Он еще думал минуту, другую, покачивая головой, измеряя тихое свое чувство привычной, взятой из фильмов и книг, меркою, и, измерив, наконец отвечал: можно.

Ему стало весело – значит он любит, значит любит, вот только узнать бы теперь, любит ли она? Только как это узнать, как спросить, да и можно ли спросить об этом, удобно ли, полагается ли, а что, если нет, если этот вопрос испортит все дело, если обидит ее, заденет? А что, если ни то, ни другое, что, если в ответ он услышит «нет»?

Николай вздрогнул, тряхнул головой, прогоняя мысль. Нет, этого совсем не хотелось, это пугало его своей безысходностью, потерей всякой надежды, нет, нет, лучше не знать! Конечно лучше, но знать хотелось, и если бы Соня была сейчас рядом, он, одолев проклятую робость, бросился бы выяснять! Нет, нет! Да и как это выяснить? Но, может быть, для того, чтобы это понять, достаточно было взглянуть в черные Сонины глаза?

Может быть.

При мысли о Соне ему сделалось тепло. Он закрыл глаза, вспоминая ее запах, волосы, ее походку, представляя ее в своей крошечной квартире – она улыбалась ему, улыбалась лукаво, и говорила, говорила, слов он не разбирал и не хотел, он слушал ее, как слушают шум леса, или прибор, он слушал ее всем сердцем и сердце шептало ему, что если суждено ему вернуться живым – он непременно женится на Соне, что он хочет жениться, что время пришло и он совершенно готов. Однако откуда эта нелепая, лишняя мысль о смерти – он не знал. Старик не пугал его, даже не предостерегал, и если что-нибудь тревожило его, то это время, два дня, которые придется потратить в лесу на поиски неизвестно кого, кто, может быть, прольет свет и скажет, что случилось с народом по имени Сталь.

А если это и в самом деле опасно? Если все это предприятие – лишь его бессмысленная блажь, глупая, опасная прихоть? Сейчас, после мыслей о Соне, о возможном счастье, о женитьбе и лес, и старик, и странные поиски неизвестного, и жажда знания, казались ему глупой игрой, пустым упрямством. А что, если, правда, опасно бродить по лесу, а что, если кончится плохо, а что если еще хуже? Он вспомнил маленьких людей, их изможденные, словно каменные, лица, лохмотья, в которые они были одеты, их жилистые, сильные руки, а что, если они людоеды?

У него екнуло сердце.

– Когда пойдем-то?

– Денежки вперед, – отозвался старик.

– Сколько?
– Как договорились, – старик сощурился.
– Никак мы не договорились, ты двадцать тыщ просил, я сказал дорого, и сейчас скажу – дорого.

– Сколько ж?
– Десять.
– Пятнадцать!
– Не могу, – Николай покрутил головой.
– За десять не пойду, хоть убей, не пойду! – старик подпрыгнул на кровати, отвернулся, демонстрируя свою непреклонность, – пойми, ты, дура, этих денег мне на ползимы, и то не хватит!..

Николай вздохнул.

– Подумай...
– И думать нечего, – старик замахал руками, – не хватит, нечего и думать!

Николай вздохнул опять.

– Нет, нет!.. – выкрикивал старик, – и крупы, и соли, и хлеба, и картохи, и пороху – все надо, все надо, будь оно проклято!..

– Ну, ладно...
– Нет, не ладно!.. Не ладно!!!

– Бог с тобой.

– Дошло?..

– Бери.

– Во-от! Друго дело!

– Половину сейчас.

– Это еще почему?

– Вторую половину, когда вернемся.

– Как это?!

– Так. А то ты меня бросишь там, забудешь, или заведешь куда. – Николай вздохнул в третий раз, – так-то оно вернее будет.

– Не пойду так! – сопротивлялся старик.

– Пойдешь.

– Черт с тобой! – старик плюнул, помолчал. – Завтра до рассвета пойдем.

– Собраться надо.

– Соберемся мухой! Денежки-то давай, денежки-то!

Николай отсчитал семь тысяч юаней – в хорошие дни свой заработок за месяц с лишком, семьдесят огромных, бордовых, с нежной фиолетовой сердцевинкой, бумаг с заштрихованным хитрым и женственным, красивым китайцем на каждой. Помедлив, вынул еще пять.

– На.

Старик принял деньги бережно, держа крепко, обеими руками, будто те хотели разбежаться из его заскорузлых рук.

– Почтение...

– Бери.

– А я думал – нет у тебя, – прошептал старик, – думал – морочишь меня, брешешь, так думал, а ты молоток!

3

– Сапоги однако ж нужны тебе, давай еще сотню!

– Больно жирно.

– Пропадешь без сапог.

Спрятав деньги, что получил прежде, старик сел, лицо его светилось и было видно, что рад он, что получил больше, чем мог даже думать.

– Потом отдашь за сапоги-то, – наконец кивнул он, отер лицо, едва справляясь с набегающей улыбкой, не желая торопиться, понимая, что торопиться придется, все еще не трогаясь с места.

– А тебя-то, тебя-то как звать? – вдруг спросил Николай.

– Тебе зачем?

– Как то есть? – Николай наморщил лоб, – а сказать, а спросить, а в лесу, ежели заблудился, отстал или еще что, как позвать, крикнуть кого?

– Иваном, – неохотно отвечал старик.

– И документ есть? – ударивши на «у» с давешней стариковской интонацией спросил Николай.

– Ишо чего? – старик вскинул глаза, – зачем?

– Ты мой видал.

– Незачем, – отвернулся старик, – зови Иваном и все тут. На! Нагнувшись, Иван вытянул из-под кровати ношенные, с истертыми до бархатной, серой белизны голенищами, кирзовые сапоги, бросил на середину избы. Бух!

Николай вздрогнул.

– Эти?

– Других нет. Собирайся. Теплое бери, деньги бери, хорошо прячь, понял ли?

– Понял.

– На голову чо-нить, спички бери, флягу для воды, значить, если есть.

– Нет. Откуда?

– Мазь от комаров, ежели имеется – бери всю, комары нынче злые, мелкие, кусочие, портянки на печи, твердые они – не беда, помни руками-то, псиной пахнут, да некогда стирку заводить, на носки навернешь – зато ноги не сшибешь, нож бери, есть нож-то?

– Есть.

– То-то. Тушенку, сухари, картошек бери вон там, в углу, в ящике, ростки-то посрывать, во-от, зязя сухого, последнего с веревки сьмай, – старик шмыгнув носом, – котелок, плошки, бумагу, соль я возьму, нож, ружо, спички тоже возьму, эх, водки бы взять, да нету!

– Есть.

– Вот жучила, зашкерил, значить!

– Как?

– Спрятал! – старик пискнул высоким фальцетом, моргнув одобряюще, – это хорошо, в дороге пригодится и ночи, гляди, будут холодны. Скоро уж. Ну, собрал, что ли?

– Куда столько-то, некуда...

– На-ко вот, – старик бросил ему мешок с привязанной за концы, потемневшей веревкой, – укладывай, понесешь.

– Почему я?

– Тебе надо.

Николай уложил все необходимое, вышло тяжеленько, прихватив рукой горловину мешка, другой вертел веревку, пытаясь понять, куда ее приладить – старик наблюдал.

– Собрал, что ли?

- Собрал.
- Вяжи.
- Как?..

Иван ждал, будто к чему-то готовился.

- Думай... Думай, ну!..
- Я думаю.
- Петлю, петлю сделай из веревок-то!..
- Как?..

– Ах, ты, господи, ты меня прости!.. – старик поднял глаза к потолку, – руку, руку просунь под веревку-то, и не вынимая, ниже возьми пальцами, понял ли?..

Николай неожиданно для себя сделал простую крепкую петлю, надел на горло мешку, затянул.

- Всего делов!
- Старик потянулся, по-детски поджав ноги, зевнул, лег.
- Спи! Подниму рано.

Спустились сумерки, лес сплотился до чернильной тьмы, у Николая заныло в груди. Ему сделалось страшно идти в бездонный, незнакомый лес с незнакомым этим стариком, искать что-то или кого-то, кого не представлял себе, не понимая, хочет ли найти, не зная – хочет ли знать, то, что хотел знать еще совсем недавно. Ну, сгинул народ, пропал, переродился – что ему за дело, зачем ему это, зачем, за каким чертом, раз сгинул – не вернешь, не повернешь, не воротишь, мертвых не поднимешь, а то может и сам...

Опять она, мысль эта, будь она проклята, опять, опять! Он потерял руки, помотал головой, прогоняя мысль о возможной смерти – мысль не ушла, отпрянув, мысль остановилась, как голодная собака, взглянула. Он видел ее прежде. Он вспомнил, как, будучи лет шести от роду, лежа с желтухой в инфекционной больнице, набрел он на эту мысль, которая показалась ему странной, неподтвержденной, даже смешной, но чем больше он думал, тем вернее приходил к выводу, что не избежать, не уйти, не спастись. Он помнил обстоятельства, и даже детей, которые всякую ночь заводили в палате страшные разговоры о кровопийцах, о загубленных младенцах, о покойниках, которые ему, ребенку, представлялись каким-то странным народом, который никогда прежде не был жив, а был всегда мертв, как мертв теперь народ по имени Сталь.

Николай вздохнул, вытянулся на жестком топчане. «Никуда не хочу, – думал он, – не хочу, не хочу, и идти не хочу, не хочу! – он хотел сей же миг бежать отсюда со всех ног, да испугался черного леса. – Я пришел, чтоб узнать, чтобы дед рассказал, что знает, чтобы успокоиться, утомиться, ну сгинул, ну и бог с ним, с народом этим, черт с ним! А теперь, чего я добиваюсь теперь?!.. – Николай помотал головой, сморщился, словно от боли, – запутался, заплелся! Мне нужно было знать, дед уперся, не сказал, меня заело, захотелось победить, мне важно было настоять, чтобы было по-моему – вот и все, вот и все, я победил, настоял, что теперь? В лес, на двое суток в лес, неведомо зачем, а там в гостиннице на его место араб возьмет другого, непременно возьмет, может быть, уже взял, оно, может, и черт с ним, с местом этим, надоело, и араб надоел, осточертел, проклятый, пропади он пропадом, и однако ж новое, другое место найти будет трудненько, не вдруг найдется оно, не вдруг! Побегаешь за ним, за местом-то, побегаешь, – мысленно кричал он себе, – покрутишься, повертишься, денег-то, денег-то сколько отдашь старику, с чем останешься-то, с чем вернешься, и вернешься ли?!..»

Николай сел, обхватил голову руками: «Не поздно, еще не поздно, – неслось в голове, – и завтра по утру не будет поздно, однако ж деньги, деньги у старика взять придется, а ежели отнять у него деньги – сгинет он в зиму, помрет, с голоду помрет, окалеет, да черт с ними, с деньгами, оставлю, как есть, оставлю, не пойду, никуда не пойду, не хочу, домой хочу, к Соне, хочу, хочу!..»

Он улыбнулся при одном упоминании о ней, ему стало покойно.

– Со-ня... – он округлил губы, без звука выдохнул.

– Ты чо не спишь?! – гаркнул старик.

– Я сплю, – машинально отвечал Николай.

– Спи!

Николай лег.

– Холера.

Страх. Вот что это.

Странное время ночь – странное время для того, чтобы говорить и думать правду, но вот думается. Страх это, не желание быть с Соней, а страх, безотчетный, глупый страх перед неясным, неизвестным, перед работой, которая должна быть совершена, у которой, кроме обыкновенного любопытства, нет никаких оправданий, отчетливых целей. И лень, и страшно – вот и все, сутки, больше идти по лесу лень, а по незнакомому лесу страшно, и со стариком страшно. Он вдруг поймал себя на мысли, что ничего не знает про старика, знает только имя, а его ли оно, имя-то, не его ли – поди ты знай. Он помнил, как светился старик, припрятывая полученные вперед деньги, половину обещанных денег, другая половина которых лежала у Николая в кармане, и старик видел, куда он их положил, видел, провожал глазами. А что, если в лесу-то заведет он его, стукнет, а то и пристрелит в глухом этом лесу, как собаку, пристрелит, приберет денежки – и шабаш?..

Глупо, как глупо.

Он вновь припомнил свое детство, больницу и тот ужас, который испытал тогда, наткнувшись на мысль о неизбежной смерти. Он бежал от нее в своих мыслях, бежал все быстрее и быстрее, бежал стремительно, увертываясь, подбирая предлоги, причины, по которым ему одному останется жизнь, останется неперемменно, жизнь, которой не может лишиться, потому что не хочет, потому что не хочет и все, и довольно ему его собственного желания не расставаться с жизнью, довольно, достаточно, раз не хочет, так и не отдаст: «Нет, нет, не отдам, не отдам!!!» – мысленно кричал он, забившись под больничное одеяло, ворочаясь с боку на бок. И однако, равнодушный страх смерти настигал его снова и снова, обступая со всех сторон, сжимая его маленькое сердце.

«Не-ет, не-ет», – все еще шептал он, обливаясь слезами, крючась под одеялом, понимая, что не победил, что не победит, – нет, не-е-е-ет...»

Он не сдавался, не имея, однако, сил бороться.

– Нет.

Он разлепил губы, полупрошепотом произнес свое последнее той ночью слово, которое, будучи призванным сопротивляться, вдруг согласилось.

* * *

Отныне он знал, что и он смертен, что смерть – лишь дело времени.

Отныне он пребывал в ожидании и не было дня, чтобы он не думал об этом, чтобы не вспоминал о неизбежной, надвигающейся смерти, привыкая быть, жить в ожидании, то утомляясь, то отчаиваясь, то принимаясь сопротивляться, привыкая все крепче, наконец привык, и привыкнув, сделался старше, чем был, на годы, на десятки, на сотни лет.

Да.

На сотни.

Ему казалось, что, совершенное невольно, страшное открытие погубит теперь его жизнь, что он обречен, и что ждать осталось недолго. Он ждал, укладываясь спать и просыпаясь, он ждал, ласкаясь к матери и отцу, он ждал, отсиживая в школе и отвечая уроки, он ждал, замирая вечерами в синей темноте квартиры, он ждал всегда – смерть не приходила. Она не тревожила

его, не напоминала о себе, не скрежетала зубами, не пугала, не стояла за спиной – ее как будто не было, как будто все, что пережил он, лежа в больнице, было плодом его детского воображения, выдумкой, бессмысленным, безотчетным страхом, который понемногу стал отпускать его, отодвигаемый повседневностью, стал забываться, слабеть, покуда не исчез совсем. Даже когда умерли мать и отец – страх смерти к нему не возвращался, не пугал, и только теперь, спустя годы, много лет, страх вернулся вновь.

Старик вдруг задвигался, сошел с кровати, не потянувшись, не медля, сразу забросив одеяло, что означало, что ночь прошла, обув бесформенные серые чуни, затопал по избе.

– Пошел, пошел! – топая, приговаривал стрик, – вставай.

Николай повернулся, привстал.

– Не спал, что ли?

– Спал, – соврал Николай.

– Пора.

Старик выбежал до ветру, чем-то загремел в предраассветной тьме, выругался весело.

– Жрать давай!

Ели скоро, не разогревая, волокнистая тушенка, покрытая зернистым, ломким жиром имела странный, застывший вкус, на который ни Иван, ни Николай не обратили внимания.

– Будя! – старик отер губы, глянул в оконце. – Готов?

– Готов.

– А сапоги-то? Не лезут?

– Не пробовал.

– Надевай! – старик хлопнул ладонью по столу.

– Доем, – спокойно отвечал Николай.

– Ну-ну. Портянку-то навернуть умеешь?

– Нет.

– Дело. – Старик вздохнул, опустил плечи.

– Научусь, не велика наука, – Николай облизнул ложку, отложил.

Вышли, когда солнце обожгло уже верхушки деревьев. Старик впереди, Николай позади.

– Не иди по траве-то, голова, – не оборачиваясь, наставлял старик, – росно, иди, где посуше, а то ноги замочишь, беда с тобой, ей богу!..

– Угу, – отвечал Николай.

Сейчас он не боялся ни смерти, ни черного леса, который, впитывая в себя солнечный свет, наполнялся светом, звоном птичьих голосов, звоном его необъяснимой радости. Ему было хорошо, против всяких ожиданий, ему было весело, он принялся насвистывать, на ходу обирая черничник, пачкая густым ягодным соком руки и рот, чувствуя себя мальчишкой, как чувствовал себя когда-то с отцом, с которым ходил, бывало, в соседний лес по грибы и по ягоды. И тот лес был страшен, покуда был он мал, и отец был жив.

Был.

Звякнув, мысль ударилась о беспричинную радость, будто муха о стекло. Отпала. Ему не хотелось думать о смерти, ему не хотелось думать совсем, ему хотелось жить.

– Далёко не пойдем, – остановившись, забурчал старик, – нет.

Николай в три шага нагнал его, встал – лицо старика было красно, он тяжело дышал.

– Чо смотришь, давно не хаживал, давно, а тут рысью, рысью взял, шибко взял, помедленней бы, а?

– Что?

– Помедленней, говорю, пойдем-то?

– Как хочешь.

Старик отер лоб, голову, отдышался.

– Кого мы ищем-то?

– Кого надо, – отозвался старик.

– А кого нам надо?

– Увидишь.

– Темнишь, ты, старый...

– Куда там!..

– Морочишь ты меня, – Николай многозначительно кивнул, – глупей себя нашел, вот и морочишь, голову мне морочишь, сам не знаешь, небось, куда идти, кого искать, так только, говоришь, трепещь, из ума ты выжил, выскочил, сам не знаешь, ни черта не знаешь!

– Знаю.

– Скажи!..

– Чо, денег пожалел? – старик ощерился остатками зубов.

– Причем тут деньги?..

– Сам хочешь, все сам, сам! Городские-то все сами норовят, все сами, хоть русские, хоть китайцы! Скажу, а что толку-то? Сам не найдешь, нипочем не найдешь, не дойдешь, сам-то!

– Тогда веди.

– Пошли!

На черта он подначивал старика – он и сам не знал, зачем задирался, обижал его, выставлял дураком.

– Извини, слышь?

– За что? – старик сплюнул. – И прав ты опять же, не знаю я куда идти, так только, примерно знаю, кочуют они потому что?

– «Они», кто «они»?

– Эти, которых ты видал.

– К ним, стало быть?

– К ним. Они все знают, весь лес, каждую дрянь, только где их искать, богу известно, бога б спросить!

– Спроси.

– Да не скажет он!

– А вдруг? – и тут же, подняв глаза к небу, Николай широко перекрестился, – господи, где они, где искать их, проклятых, чертей чумазных, господи?!.

– Ну, ты, это, не того... – опомнясь, закудахтал старик, – не богохуль!

– Сам начал.

– Следов, следов до черта, а людей нет!

– Так что, может не пойдём, не пойдём, может?!

– Идем уже!!!

Старик зашагал быстрее прежнего, ловко перескакивая через кочки и камни, через гниющие поваленные стволы, затопал молодого, скоро, однако, задохнулся опять, сбросил скорость, пошел медленнее, останавливаясь, приседая.

– Нет, не могу, скоро не могу!

– Не надо, не торопись, как будет, так и будет.

– Старо стало... – старик улыбнулся, – вот прежде, бывало, ходил, удержу не знал, шел и шел, как машина все равно, не разбирая дороги, в тайге был, как у себя дома, уйду, бывало, на три дня, а то на неделю – и хоть бы хны! Все тут – и стол, и постель, до самого снега на земле спал!

– Да ну?

– Да!

– Страшно, небось?

– Чего бояться-то?!.

– Мало ли...

– В лесу бояться нечего... – старик помолчал, – человека надо бояться, страшней всех человек.

Николай хмыкнул.

– Не веришь?

– Не знаю.

– Знай. – Старик повернулся, глянул, глянув, продолжал, – и осенью, бывало, костерок, часок-другой, в костровище ляжешь – и за милую душу! К рассвету только зябко, а так – ничего. Жена, бывало, точит, точит, то не так, это не эдак, а я в тайгу – а тута воля, иди, куда хошь, хоть направо, хоть налево ступай, ничо не бойся. Зверья было сколько хошь, разного, бил, конечно, как не бить, завсегда приварок. Однако не лютовал, как другие, никогда не лютовал, лишнего не брал, ни-ни, только на прокорм и семье.

– Так ты женат был?

– Был, а как же.

– И дети есть?

– Два сына были.

– Как это?

– Так. – Старик молчал, Николай ждал рассказа, желая ничего не пропустить, старался ступать тише.

– Дело прошлое, – Иван, шмыгнув носом, отвернулся, сплюнул, – черт его знает!.. – старик остановился, глядя в пространство, и вдруг принялся ругаться, выбирая ругань черную, чернее черного, не переставая, выжовывая самые гадкие, разрывные слова, которых память его хранила пропасть, ни к кому не обращаясь, не останавливаясь, даже не прерываясь, говорил и говорил с одной и той же интонацией, и если бы не слышал слов, подумал бы Николай, что старик молится.

4

– Правее возьмем, – кончив, обронил Иван, взглянув на Николая, для верности махнул правой рукой.

Шагнул.

Ничего не сказал.

Опять ничего.

Николаю хотелось знать, именно сейчас ему очень хотелось знать, что случилось с его сыновьями, и, однако, он опасался задавать вопросы, которые жгли ему язык. Обидится, замкнется, а то и назад поворотит, старик взбалмошный, нищий, а с характером, и все же, что случилось, что, что?!. Отчего-то Николаю казалось, что трагедия, а после выслушанной ругани он не сомневался, что история сыновей старика трагична, как-то связана с его поисками, невинными на первый взгляд, но невинными ли?

У него засосало под ложечкой. Одно дело думать, мечтать, лежа на диване, доискиваясь вообразимой истины, заглядывая время от времени в открытый и пыльный, заваленный пожелтевшими мертвыми бумагами, госархив, и совсем другое – делать, искать, идти в тайгу, стучась в прошлое, которое не желает быть открытым, которое упирается, не дается, и, может быть, неспроста! Может быть!..

Может быть, он слишком далеко зашел и теперь по недомыслию, по собственной глупости лезет уже в самое пекло? Старик – а что старик? Николай оценивающе взглянул на Ивана. Старику за семьдесят или возле того, старик прожил жизнь, худо ли, хорошо ли, а прожил, а он, Николай Сталь, что прожил он, что пережил, почувствовал, узнал? Только утраты, только потерю матери и отца, которая придавила его на годы, оставив тупое, непроходящее чувство несправедливо расхлёбанной горечи, что еще? Ничего. Чувство к Соне, неразвившееся, странное, умозрительное, которое то и дело приходилось ощупывать, чтобы убедиться в его присутствии, да бесконечная проклятая работа, работа, работа, которой нет конца, огромная и такая же бессмысленная, нескончаемая, безрадостная работа в гостиннице, работа, которой не замечает никто, кроме него самого, к которой привык, притерпелся, которую невозможно любить, которую страшно потерять.

Страшно.

Все страшно.

И в лес идти страшно, и работу потерять страшно, и любить страшно, и не любить страшно – все страшно, страшно – что это за слово, что это за черт, откуда столько страху, зачем?!.

Была, была мыслишка, случалась, здесь и случалась, в лесу. Откуда, мол, откуда столько-то, зачем – неизвестно. И спросить не у кого, а спросить хочется, ох, как хочется иной раз спросить у отца или у матери, которых нет на свете, без которых худо ему, ох как худо, и одиноко и страшно. Знал отец о страхе, знал, все знал, потому и не сказал ему, сыну, чтобы не пугать, ничего не сказал ни о своем народе, ни о своей родне, о которой он, Николай, никогда не слыхал прежде, которая загнула где-то, которой вовсе нет, будто не было. Но была, когда-то ж была родня, хоть какая-нибудь – дядья, тетки, золовки, зятя, свекрови, братья, сестры, двоюродные, троюродные, черт их разберет, кто-то же был, не мог не быть, хоть бы самый дальний, самый, самый! А если б был, как бы ему жилось, веселей бы жилось, легче, хоть бы и не помог никогда тот, который мог бы быть, слова бы не сказал, а все ж теплее было б ему от одного только знания, что есть.

Старик, меж тем, затопал под гору, вниз, вниз, Николай за ним, скорей, обходя мшистые, скользкие камни, тормозя, виляя, прихватывая рукой тонкие сосны, сбивая огромные грибы, которых, чем ниже, становилось все больше и больше.

– Тута полегче будет, – объяснял Иван, – щас в распадок спустимся и покурим. Грибов, однако!..

– Да.

Задохнулись, пока спускались, задохнулись оба, взмокли, спуск, казавшийся коротким, оказался длинным, извилистым.

– Любишь, грибы-то? – Старик встал, согнувшись, упершись руками в колени, вертя головой.

– Кто ж их не любит.

– Ух, они каки!.. – старик присвистнул, – мяса не надо! – Сел. – Не могу, отдышусь, воздуху, воздуху не хватат мне, здесь внизу воздуху нету, воздух внизу стоит, не шевелится.

– Что, привал?

– Часа через три.

Тронулись.

Потихоньку.

Солнце меж тем вскарабкалось уже высоко к полудню, к высшей точке, тени сделались короче, исчезли, грибы теперь разбегались стаями, причудливым, обильным архипелагом – жаль, как жаль, а не взять, возьмешь – куда денешь, что делать станешь с ними, с крепкими, круглыми, овальными, бугристыми, чистыми, красноголовыми, на взъерошенной серой ноге, с бурыми, с зеленовато-золотым подпалом, с бархатистыми, желтыми, синими, рыжими?

«Никуда б не ходил, честное слово, никуда б не пошел, – думал Николай, – все собрал бы, все бы, а потом лег на брюхо, припал бы к ягодам, лежа бы ел, ел бы и ел, не жуя, давил бы плоды языком, громко глотая, обирая куст за кустом, и плевал бы на все, на работу, которой больше нет, на деньги, которых без работы не будет, и на страхи, которых в достатке. Бог с ними, черт с ними, пропади все, ничего не надо, ничего!.. – Николай причмокнул, – вот отец-то не видит, никогда такого не видал, как он любил все это, как любил, каждый пустяк в лесу, каждую ветку, кочку, живое любил, живое хранил и ему, Николаю, не говорил, нет, а как бы подсказывал одними глазами – живое, мол, береги, мол, вещи, конечно, нужны, вещи, без вещей куда – некуда, без штанов да ботинок, без вилок-ложек, без машин-механизмов, а все же живое ценней, любезней, потому что – беззащитней».

– Я собрался было, – Иван заговорил, снова, – искать грибов-то, да спины нет, нагинаться не могу, часто не могу, старый стал.

– Ты-то?

– Я-то.

– Ты еще!..

– Чо?

– Хоть куда! – Сейчас ему хотелось сказать старику хорошее, все равно что, лишь бы хорошее, – я за тобой не поспеваю.

– Ты городской, что с тебя взять? Ежели б я тогда не пришел – тебя бы уже комары съели.

– Как это?

– Так.

– Разве могут?..

– Еще как. Другой раз лося всего выпьют, целиком!

– Да ну?..

– Вот те и ну! Комары да мошка, сквозь шкуру жесткую продерутся, в глаза, в ноздри, в губы, в уши, под хвост и во всякое место, всю кровь высосут, всю под чистую, мясо есть невозможно – сухое мясо-то.

– О, господи!..

– Ты чо, верящий? – старик остановился.

– Вроде.

- Да или нет?
- Да.
- Добро.

Николая крестили, как крестили тысячи младенцев в бессознательном возрасте – двух месяцев от роду, и мгновений этих он не помнил, но хотел помнить. Сейчас он силился вспомнить хоть что-то, хоть что-нибудь – ничего, память воспроизводила крещение, многократно виденное им в кино и по телевизору: бородатый священник берет младенца у матери, которая отдает его с трепетом, и нельзя понять, отчего она трепещет – от совершаемого ли таинства или от страха за своего ребенка, – окунает его в купель, читает над ним, тот кричит, заходясь, наконец священник миром чертит на красном маленьком лбу крест, мать молитвенно протягивает руки, и только когда ребенок у нее завернут в сухое и теплое, и скрыт от чужих глаз, она успокаивается и трепет ее проходит.

«И со мной так же, со мной-то, по другому не бывает, – думал Николай, быть не может по другому-то...» Вспомнить он не мог и потому принялся фантазировать, представляя себе нарядных и растерянных, молодых еще отца и мать, которые идут в церковь крестить своего единственного сына. В которую? Недалеко от городка, где он родился и вырос, была церковь Успения Пресвятой Богородицы, уж не там ли крестили его?..

Нет.

Николай помотал головой, будто знал. Нет и нет. Мать не любила ее, эту церковь, не любила по причине прозаической, глупой: церковь стояла в деревне за извилистой, узкой рекой на пригорке, а не любила ее мать потому, что всякий раз одолевали ее и любого брехливые деревенские собаки, что вечно толклись на пыльной площади возле церкви. И было их там немного, и сами они были невелики, но набрасывались на всякого приходящего, задирая вверх оскаленные, острые морды, лаяли, лаяли до тошноты, до рвоты, и казалось, готовы были лопнуть, только бы не допустить, только бы прогнать чужих из своей деревни, со своей дороги, от своей церкви.

В большом московском храме – вряд ли. Николай, шагнув, поднял ногу, желая сбить большой, бурый гриб, и не сбил. Отдернув ногу, встал рядом, перешагнул. Подальше, километров за десять, была церковка в честь Святителя Николая, ладненькая, голубая с белым, уютная, тихая. Там крестили-то.

Там.

Как это прежде не подумал? Потому и имя – Николай, славное имя. Что оно значит, имя-то?.. Не знает. Ничего не знает. Николай в сердцах сплюнул. Сколько живет – ни черта толком не знает, ни про народ свой, ни про родню свою, ни про имя свое!

* * *

- Чо плюешь-то?
- Вспомнил.
- Чо?
- А вспомнить не могу!..
- Ты про что?
- Имя мое, Николай, значит-то что?
- А тебе зачем?
- Надо.
- Бог его ведает, – старик остановился, расправил плечи, – помню, говорил мне отец, будто значит оно освободитель...
- Освободитель?

– Или победитель, что ли... – Старик шаркнул ногой, поглядел в землю, – победитель народов, вот оно как. От грек будто имя твое.

– Победитель – это прямо про меня, – Николай вздохнул.

– Что ж, многих победил? – Иван глядел с недоверием.

– Всех.

– Да ну?!

– Да.

– Бесстрашный такой?

– Вот именно! Бесстрашный!.. Совсем бесстрашный! Совсем! – Герой, стало быть...

– А-то как же...

– Дед мой был Николай, – старик почесал в затылке, – тоже победитель был, все знали, не связывался никто, силища была у него, бревна-то на избу он один таскал, один!

– Не может быть!

– Не может, а вот есть. Я помню, ребенком был, а помню. Видел. Возьмет, только крикнет, так сруб и скатал. Устал ли?.. – глаза старика чертили по лицу Николая.

– Да нет...

– Да или нет?

– Нет.

– Врешь.

– Знаешь – чо спрашиваешь?

– Так. Режет плечи-то?

– Режет.

– Терпи. А то подсунь что...

– Подсунул.

– Не видал ли чего окрест, – продолжал старик, – какого-никакого шевеления, странного чего не видел ли?

– Нет.

– Тут они, тут, чую я, да боятся они, тебя боятся.

– А тебя?..

– И меня! – Старик рубанул воздух, – всех боятся, мать их...

– Что делать-то?

– Нечего делать, идти надо, пойдём, авось найдем кого из начальства, может, найдем ихнего главного – может, тот похрабрей.

«Победитель, победитель, – все вертелось в голове у Николая, победитель... – черт знает что, какой я победитель, кого победил, где? Никого, никогда, ни разу, нет, ни разу, в школе только, в школе, да когда это было и было ли, а что было-то? – Николай механически шел за стариком, прилепившись взглядом к его перепачканным, мешковатым штанам, – парень был, Женька, мальчишка, с странной, словно на спину посаженной головой – это он помнил, задирался Женька, встряхивая головой, от чего его тонкие волосы взмахивали, будто руками, будто у них были руки, будто удивлялись повадкам своего хозяина, от удивления взмахивая опять. Этот Женька был драчун и заноза, и резок, резок во всем – в отношениях, взглядах, резок в движениях, он бил ребром ладони, так бил, и это Николай помнил, потому что бил и его тоже, бил всех, не обинюясь, не боялся бить, и казалось, что если не боится бить – не боится ничего.

А дальше, что дальше? – будто спросил кто-нибудь.

Николай встряхнул тяжелым мешком, висевшим у него за спиной, повел плечами, отыскивая удобное, еще не изрезанное веревками место, нашел. – А дальше была зима, снег, много снега, и еще была девочка, Яна, от вида и близости, от живого, неслышного тепла которой билось Николаево сердце, и был Женька, который сказал Яне что-то, чего Николай не пом-

нил, помнил только, как та вдруг отпрянула, вспыхнула, обида перечеркнула прекрасное лицо, глаза наполнились, заблестели, она вздохнула – он колебался бесконечно долгий миг, наконец вступился, вставши меж Женькой и Яной, чудом одолев свою робость, тысячу раз умерев от мгновенного испуга, ощутив многократную перемену кипящих и ледяных волн, он оттолкнул Женьку. Женькины глаза сузились, лицо побагровело: «После уроков, – сказал он, показывая смуглый кулак, – я тебя убью. – Так и сказал.»

Николай взглянул себе под ноги – грибы не унимался, они окружали его со всех сторон, и он любовался ими, потому что были они прекрасны! Вы прекрасны – хотелось ему сказать, крикнуть грибам, мхам, траве, цветам, птицам, соснам, елям, березам и кедрам, синему небу и солнцу – вы прекрасны-ы!!!

– Эй! – скрипнул Иван из неожиданного далека, – не отставай, етит твою!..

Николай прибавил шаг.

И все же, что потом, что было? – опять будто спросил кто-то. Вышли после полудня, снег подтаял и было скользко, Николай помнил это ощущение, будто нет опоры, нет совсем, он вышел первым, за ним выскочил Женька да два десятка зрителей, перед которыми Женька раскланялся, как артист, желая понравиться, хвастая очевидным превосходством, желая показать, как легко победит он, как изящно, как ловко. Он уже поворотился к Николаю, он занес уже руку, острое ребро ладони, но ударить он не успел – Николай ударил первым, ударил сильно, так сильно, как только мог, потом еще, и еще – все решилось в несколько секунд, все было кончено: Женька с разбитым лицом лежал на залитом кровью снегу, над ним, сжимая красные кулаки, стоял Николай.

– Давай, давай!.. – снова выкрикнул старик.

– Иду.

Николай зашагал размашистее, не обращая уже внимания на невольно сбитые грибы, не обращая внимания ни на что. Сейчас в душе его происходило что-то удивительное, в ней закипало какое-то варево, он даже перестал чувствовать голод, который уже несколько раз давал себя знать. Память окрылила его, забытая школьная история, которую вспомнил он мимоходом, укрепила его, придала ему силы, силы странной, действенной, даже агрессивной, ему вновь захотелось драться, видеть врага, победить его, победить с абсолютным превосходством. В следующую минуту воображение принялось подставлять под его победные кулаки, одного за другим, тех, с которыми он так или иначе сталкивался или собирался столкнуться, первым из которых оказался араб, хозяин гостиницы, вечно недовольный араб с отвратительной брезгливостью, приклеенной к темному, лошадиному лицу. Кулаки тут же пришли в движение, они были беспощадны, был беспощаден он, араб был повержен, у араба не было ни единого шанса. А дальше, дальше...

– Стой! – Николай споткнулся, встал, поискал глазами, – тут я, – старик махнул рукой, Николай подошел. – Устал? Жрать хочешь?..

– Нет. Не знаю...

– Хочешь или не хочешь?

– Хочу.

– Привал, – старик сел, – скидавай мешок, – Николай повиновался, сбросив ношу, потянулся, хрустнув спиной, вздохнул. – Заблудился я, вот какое дело, – говоря это, старик смотрел в сторону.

– Как то есть?..

– Так. – Старик все смотрел и смотрел куда-то вбок.

– И чо?..

– Ничо. Не был я тут, никогда не был.

– Ты ж говорил, что в тайге, как у себя дома...

– Это когда было.

– Когда это было?

– Давно. – Старик сплюнул длинной вязкой вожжей.

– Назад пойдём?

– Не знаю.

– Вперед?..

– Не знаю я! – Старик крикнул скорее на себя, чем на Николая, и было видно, что он раздосадован, что сердит на самого себя, на свою глупую самоуверенность.

– Ладно, – Николай примирительно взглянул на старика, – Иван... – старик обернулся, – давай поедим, пораскинем мозгами, глядишь, и выберемся. Не дожидаясь ответа, Николай открыл мешок, осадил, обнажив содержимое, – ну, что?..

– Что?

– Мясо или рыбу?

– Рыбу. Все одно жевать не могу, хошь одно, хошь другое.

Николай вынул язя, повертел.

– Голову...

– Что?

– Голову оторви, непутевый, – Николай послушно оторвал рыбью голову, бросил, – а теперь пополам.

– Как?..

– Повдоль. Рви...

– Как это?

– Пальцами. Сунь внутрь!..

Вложив большие пальцы в круглую пустоту рыбы, Николай вдохнул, потянул, еще – язь, сухо треснув, распался на две неровные половины.

– На-ко...

Старик взял меньшую половину, отщипнул раз, другой, остановился.

– Не был я тут, отродясь не бывал!

– Что ж, не был – теперь есть.

– Оно так, а идти-то куда?..

– Пойдем куда-нибудь, ты же следы видел, сам говорил.

– Видал! – старик вскочил на ноги.

– По следам и найдем.

– Прав ты, однако, опять прав, – старик опустил на землю, откинулся, – так тому и быть.

5

Перекусывали недолго – есть-то особенно нечего. Отмахиваясь от назойливых мелких мух, пососали рыбки да хлеба последнего разжевали по куску – вот и все. Запили водой. Картошки бы сварить, горяченького б похлевать – да некогда, след сыскать, пока светло, вот мол что, след, мол, сыскать бы! Старик глянул было на бутылку водки, одиноко торчавшую из мешка, глянул с тоской, однако не притронулся, даже не потянулся, потому что до темноты выйти надо им, выбраться из лесов этих, из мест этих незнакомых, безлюдных, чтобы, сделав дело, за которым пришли, сделав как-нибудь, вернуться домой.

Каждому хотелось вернуться.

– Пошли.

Старик тронулся, не дожидаясь, когда Николай увяжет мешок, шел ходко, как дважды принимался сегодня, вверх, вверх, повыше, выше, взбираясь на гребень, на высоту, с которой оглядеться, с которой увидеть, где они. Николай не мешкал, скоро шел за стариком, как и прежде, не отставая, не приближаясь, в пяти – шести шагах, как и положено ведомому. Лес, меж тем, изменился, грибов не было видно совсем, редко вспыхивал глянцевою алой шляпой одинокий мухомор, мелкая, почерневшая труха из сухих перетертых листьев шептала под ногами, простираясь во все стороны серым морем, из толстых, молчаливых стволов торчали длинные сухие сучья. «Странный лес, – думал Николай, будто видел все леса на свете, – ей богу, странный, жуткий, темный, не живой будто.

– Глаза береги, слышь?

– Ну, – Николай кивнул.

– Гиблое место, – уронил Иван.

– И следов нет?

– Нет.

Пошли снова.

– Никого тут нет, – задыхаясь, шептал старик, – горел лес, и не запомню, когда горел, давно не было, и погибнул, весь погибнул, теперь когда-а отрастет, бог его ведает, нам бы на горку какую, нам бы взобраться...

– Отдохни, – Николай остановился, показывая пример, старик встал на одну минуту, поднял голову вверх, вздохнул, пошел опять, – отдохни, слышишь?..

– Некогда! – старик все прибавлял ходу, сбрасывал, прибавлял вновь, торопился, прятал глаза, избегая прямого взгляда, ковыляя из последних уже сил.

– Отдохни.

– Нет.

– А те, кого мы ищем, ежели мы их найдем?..

– Не веришь?..

– Верю.

– Ну?.. – старик привалился к дереву, жадно глотая воздух.

– Они?..

– Ну-у?! Чо?..

– Не убьют они нас?

– Нет.

– Нет?

– Хотели б убить – давно б убили.

– Оно конечно... – тогда, два дня назад, Николай был один, без оружия, он был в их власти, весь, не успел бы замахнуть, камня поднять, ничего б не сделал, захоти они его убить.

– Они ничо, ничо... – старик все не мог отдышаться, – мирные.

– Мирные?

– Мирные. Ты верь, верь, можно верить.

– А малы почему, все одного роста?

– А черт их знает, так мать родила, кто может знать, я и меньше видал.

– Меньше?..

В эту минуту позади них кто-то крикнул, раздался выстрел, другой, еще крики.

– Замри, – скомандовал старик, срывая с плеча ружье, вглядываясь в глубину леса, молчи, за дерево встань.

– Молчу.

– Молчи, ты!.. – На мгновение стало тихо. – Черта я связался с тобой, за каким чертом!..

– Я...

– Молчи.

Стрельба вспыхнула вновь, затихла, переместилась ниже, левее, казалось, все кончилось, вдруг тугую тишину леса прорезал смертный крик. Николай взглянул на старика, у него полодели ноги.

– Что это?..

– Не знаю. Молчи. Стой молчи. Не двигайся. Ах, етит твою, ах, ты, господи, – причитал старик.

– А сам говоришь...

– Тихо. Ждать, теперь ждать. Уйдут, ежели бог даст, уйдут, уйдут.

Они стояли еще долго, неподвижно, вслушиваясь в тишину леса, которую теперь ничто не нарушало, которая, казалось, звенела.

– Айда, – старик шагнул осторожно, остановился, шагнул опять, вглядывая в разные стороны, чертя перед собою ружейным стволом, – тихо, прошу тебя, тихо, тише... Ушли однако.

Медленно, след в след, прошли они ниже, потом старик взял левее, туда, откуда слышались выстрелы. Лес, все тот же горелый лес по-прежнему тянулся во все стороны, чуть выше начинал раздваиваться, заросший темной, свежей зеленью, овраг, старик остановился, опустился на чевереньки, приказав Николаю ждать, пополз к оврагу, замер на его краю, встал, стряхнул колени, махнул Николаю – подойди.

Вход в овраг и рядом, был забрызган кровью, кровь была повсюду – на деревьях, камнях, на земле, труха, что покрывала землю, потемнела, пропитавшись кровью.

– Вона кровящи-то... – старик все озирался.

– Что здесь было?

– Бой.

– Что?..

– Откуда я знаю?! – старик оглянулся, лицо его было бледно.

– Не знаешь?

– Не знаю.

– Врешь.

– Бой был.

– Бой?.. Кто с кем бился?

– Не знаю я.

– Неправда.

– Не знаю. Говорил я тебе, говорил, опасно в лесу, опасно тут, опасно!..

– Когда это ты говорил?

– Говорил.

– Ни черта ты не говорил!..

– Теперь говорю.

– Теперь поздно.

– Не поздно ишо!..
– Что ж, по домам?..
– Хорошо бы, – старик тяжело вздохнул.
– Так ты же не знаешь, куда идти! Идти-то куда, куда идти-то?!
– Не ори.
– А? А-а?! – не унимался Николай.
– На юг, на юго-восток.
– Очень просто. А ну, как нарвемся, наскочим на этих?
– Можем.
– А может, здесь не одни только эти, может, и другие есть?!
– Может и есть.
– Давай решать. Куда идем? Домой?..
– Не знаю.
– Направо или налево?
– Не знаю.
– Говори.
– Оглядеться надо мне, оглядеться не могу, не видать ни хрена, лес, лес, леса этого я не видал, отродясь не видал, не помню, не было его, не было, откуда он взялся, что за ним – ни черта не знаю, поглядеть надоть, выбраться, поглядеть.

– А если он огромный, как море, если из него не выбраться, никогда не выбраться?!.

– Не может быть. Какой-то конец есть.

– Где?

– Не знаю.

– Где?!.

– Хорош болтать!.. – глаза старика сверкнули сердито, – к дому, так к дому. Пошли!

Иван заторопился, задвигался бойко, суетливо, Николай знал, что надолго не хватит, шел за ним, думал. «Что если он, старый, дороги не найдет, что, если он в самом деле не знает, куда идти, где он, его дом, если рассказы о его прежней таежной жизни – пустая болтовня, красивая ложь, что, если, польстясь на деньги, попер он в тайгу знакомой дорогой, в надежде, что прогуляются они туда-сюда, что наниматель его городской, несмышленный не поймет ничего, не разберет, устанет, утомится, домой запросится, захнычет – тут они домой и вернуться, и все, дело сделано, нет никого в лесу, сам видел, нету, пустой лес, пустой, денежки пожалуйста, денежки!.. Что, если пошел прогуляться, старенький, да и заблудился, сам заблудился, напрочь, насовсем – что тогда? Да ведь он и сказал, что заблудился, сказал, часа два-три тому сказал, прямо сказал.

Сказал.

А что, толку-то что?! Как выбираться-то? Выбираться надо, выходить как-нибудь, не подыхать же здесь, в горелом лесу!..»

* * *

– Выйдем!.. Выйдем, помани мое слово!..

– Ладно.

– Вот те крест!

– Не клянись...

Шли долго, лес, лес, всюду лес, один и тот же, ни конца, ни края.

– Сдохнем здесь!..

– Не сдохнем. – Старик остановился, вскинул голову, прикрывая глаза рукой, долго глядел на солнце сквозь едва разомкнутые пальцы, – не пойму я, куда оно идет, не понимаю! И час, и два – все на месте стоит, не движется будто, а не может не двигаться, не может!..

– Не ори.

Земля, засыпанная трухой, выровнялась, теперь не было намека на какую-нибудь высоту, которой искал старик, теперь они шли, только потому, что понимали – надо идти, шли куда-нибудь, неизвестно куда. Впереди шел Николай, старик плелся сзади, усталость наваливалась на обоих, усталость, которой недавно не было следа, теперь ложилась на плечи свинцом. Так шли час, может быть, больше, впереди замаячили кусты, полный живой, темной зелени овраг будто распахивался им навстречу – путники переглянулись, Николай собрался было шагнуть в кусты.

– Стой. Не лезь, а вдруг там круто, не выбересся потом. – Старик пошел по краю, по краю, – в толк не возьму, уж не тот ли это овраг, от которого ушли мы пару часов?..

Старик не договорил, замер, встал, машинально отирая рот, Николай приблизился, заглянул в овраг – на небольшой глубине, метрах в двух с половиною, в яркой зелени трав, никак не вязавшейся с окружающим мертвым лесом, в странных, причудливых позах лежали трое низкорослых мужчин, трое из тех, которых видел он позавчера. Все они были мертвы, у всех троих отсутствовали головы.

– Мирные, говоришь?.. – Николай взглянул на старика.

– Что ты от меня хочешь, – взмолился старик, – старый я, старый, на восьмом десятке, не знаю, ничо не знаю.

– Не верю.

– Правильно.

– Не верю я.

– Не верь.

– Знал, ты, знал про этих, все знал. Не мог не знать.

– Чо теперь, чо говорить...

– Уходить надо.

– Надо. Куда?..

– Овраг-то тот же?!.

– Тот.

– Как мы к нему в первый раз вышли – помнишь ли?

– Помню.

– Так и уйдем, как пришли, так же!

– Прав ты, прав, золотая голова, прав во всем!..

Они подошли к противоположному концу оврага, к концу, который видели прежде, который полагали началом – кровь на деревьях и на земле потемнела, сделалась невидна. Шли по своим следам, которых Николай не видел, лишь угадывал – которые понимал Иван, читая, будто в открытой книге.

– Выйдем, сказал, выйдем! – ободрился старик.

– Дай-то бог.

Небо скоро стало темнеть, набежали тучи, заволокло, сумерки, которых ждали позже, спускались загодя, и без того серый лес стремительно темнел.

– Айда, айда!.. – подгонял старик, однако быстрее идти не получалось, – теперь уж знаю, теперь-то, теперь не промахнусь, – Иван все оглядывался, все улыбался, – вот пройдем тут, срежем чуток, там балочка, где мы обедали, помнишь ли?..

– Помню.

– А уж по ней, как по дорожке, выйдем, выскочим! Все, браток, все, все, нечего делать в лесу-то, нечего, нечего, головы не сносить, вот что!..

Они шли до глубоких сумерек, до темноты, балочка, о которой говорил старик так и не появилась, они еще плутали несколько времени, старик бил себя по лбу, злился, кричал, да все без толку.

– Шабаш. Ночуем.

Оба рухнули, как подкошенные.

Они долго сидели, молча, привалившись к дереву, вглядываясь, вслушиваясь в темноту – в лесу было тихо.

– Не бойсь... – старик глотнул.

– Я не боюсь.

– Я боюсь.

– И ты не бойся.

– А все ж живые, – старик разулыбался, – слышь, Кольша?..

– Слышу.

– А раз живые – будем жить!.. – Николай молчал, – и тут, тут хорошо, ночевать хорошо, сухо. Как ляжешь, так и встанешь – живым и здоровым!..

– Поживем – увидим.

– Поживе-ем, поживе-ем, – старик, протянув руку, потрепал Николая по плечу, – а то как же!..

– Не кричал бы ты, дед.

– Я не дед. Отцом был, отцом и остался, – спокойно выговорил старик, – в деда не произвели.

– Что так?

– Не успели. Расскажу потом.

– Как хочешь. – Сейчас Николай вовсе не желал выслушивать стариковские откровения, потому что до сыновей старика, равно, как и до всего остального не было ему теперь никакого дела. Он устал, ноги его гудели, болели, изрезанные веревками, плечи, глаза слипались, но спать он не мог. В лесу – это считай – на улице.

– Ложись. Нагреби трухи-то, нагреби под себя, все помягче будет, стели, чо там у тебя есть, штормовка, сверху стели, от комаров натрися и ложись, не тяни.

Николай сделал, как сказано, лег, подложив под голову мешок с провизией, в следующую минуту провалился в сон. Сон его был глубокий, и однако то обстоятельство, что спит он под деревом в лесу, заставляло его время от времени просыпаться, чтобы, открыв глаза, оглянуться в поисках возможной угрозы, чтобы, убедившись в том, что ему ничто не угрожает, заснуть опять. Так прошли несколько часов сна. На рассвете, когда лес ненадолго порозовел, вновь сделался серым, Николай проснулся совсем. Некоторое время он лежал, ощутив под головой жесткое, сел, огляделся, привстал, заглянул за дерево, с другого боку, встал, прошелся, заглянул, куда только мог – старика не было.

Ушел.

Ушел, стало быть.

Николай не испугался, и это было странно. Он не чувствовал страха, даже разочарования. Он чувствовал пустоту. Что теперь делать?.. Николай потянулся, вспомнив, нащупал деньги – деньги были на месте. Не взял, значит, спасибо, однако, на что они ему тут, в лесу? Разве костер развести, так для этого спички надобны. Он рывком сунулся в карман, в другой, в мешок – спичек не было. Паника, огромная, безбрежная паника подступала к его сердцу, минуя первый испуг, обходила его со всех сторон, и он видел ее издалека.

«Тепло, сейчас тепло, – успокаивал себя Николай, – август, тепло, бог даст, еще постоит недельку-другую, грибов в лесу пропасть, в этом лесу нету, да кочится же он когда-нибудь, лес этот, рано или поздно кончится, не может не кончиться, и ручьев, и ключей в лесу множество, значит, от жажды не умру, вот только набрать не во что, воды-то, была бутылка, водка была,

где она? – Николай распахнул мешок, пошарил рукой, вывалил содержимое наземь – нет. – Унес, старенький, деньги не взял, а водку унес, молодец, нет, стало быть, бутылки, нет как нет, котелок, однако, алюминиевый, солдатский котелок-то, вот он, значит, можно набрать, хоть в котелке далеко не унесешь, так это как нести, но хоть напьешься досыта, напьешься, дальше что?..»

Паника подступала теперь медленней, фронт сужался.

«Старик говорил – идти надо на юг, на юго-восток, солнце с востока, Николай встал левым плечом к солнцу – юг смотрел ему в лицо. – Нашел, нашел, стало быть, юго-восток посередке, стало быть на юго-восток, а если врал он, если так сказал, что попало, тогда как?..»

Паника оживилась, двинулась, словно неисчислимая армия.

«Вспомнить, вспомнить надо, откуда было солнце, когда шли вчера в эту сторону, где оно было, когда по распадку мелколесному шли, я еще подумал – греет, как греет, хорошо греет, правую щеку грело, правую, потом затылок, стало быть, прав старик, не обманул, на север шли мы, четко на север, значит возвращаться точно на юг.

Паника, споткнувшись, встала.

«К реке, вот куда мне нужно, бог с ним, со стариком, к большой реке выйти нужно, по реке до людей дойду, как бы ни было – доберусь, а там как-нибудь и до города, не до одного, так до другого, ничего, выйду, сапоги на мне крепкие, спасибо ему, козлу старому, жратвы еще дня на три, если потянуть, сухари есть, ничего не болит у меня, не жмет, не трет, деньги есть, документы при мне, спичек нет, зато нож есть, ежели бог даст – не пропаду.»

Паника задрожала, как воздух над костром, да вдруг исчезла.

6

Он ждал.

Хотел идти и боялся. Он боялся разминуться со стариком, если тот вдруг не сбежал, а ушел, чтобы найти дорогу, чтобы спастись самому, чтобы спасти его, Николая. «Зачем тогда взял он водку, за каким чертом, что он с ней станет делать – выпьет, сразу или после, когда доберется до своей избы, выпьет с устатку, в тепле, в безопасности, посмеиваясь над доверчивым городским дураком. Почему тогда не взял он денег? Мог бы, ясное дело, мог взять, – думал Николай, пытаюсь разгадать секрет Иванова исчезновения, – ежели бросил он меня, взял бы деньги, взял бы, если б не забыл. Память у старика дырявая, мог забыть, мог, – Николай поглядел наверх, прищурился на солнце, – про деньги не забыл бы. Нет. Шалишь. Стало быть, на юг...» Он встал, отряхнулся, все еще не надевая мешка, налегке, сделал для верности круг, потом еще один, больший, и наконец последний, самый большой – старика не было.

– Пшшел!..

Мешок повис на плечах спасительной тяжестью – не дай бог лишиться, оставить, потерять, провианту ненадолго хватит, а все же паниковать пока рано, есть, еще есть, и день, и два, и три кружить можно по лесам этим, а то и больше, только бы погода не подвела, только бы не испортилась, только бы не сглазить, тьфу, тьфу, тьфу, ты, черт!!!

Лес был огромен. Никогда прежде не приходилось видеть ему такого безбрежного леса, не приходилось бывать в нем одному. Он вдруг ощутил себя первым человеком, тем самым человеком, который, сознавая себя таковым, оказался один на один с покрывавшим планету лесом, с его бездной, тишиной и тайной, с первобытным страхом, который городским, сегодняшним страхам не чета, который громаден, как громадно все первобытное, который смертельно опасен. Чего ждать, кого можно встретить, кто может быть, наблюдает за ним сейчас, сию минуту?..

Николай огляделся, прислушался. Он помнил слова старика о том, что бояться надо человека, он не доверял старику, он помнил убитых, обезглавленных людей в узком, зеленом овраге, он понимал, что шансов выжить у него, городского, брошенного своим проводником, так же мало, как у перепуганного трехлетнего ребенка, выбежавшего на дорогу в час пик. И все же шансы есть. Их немного, но они есть.

– Есть, – повторил он чуть слышно, – есть.

Лес все не кончался, Николай все шел и шел – час, другой, третий – лес стоял стеной во всякую сторону, куда не взгляни, словно он шел вместе с ним, переступая своими бесчисленными ногами. Николаю хотелось кричать, кричать во весь голос, не считаясь ни с чем, не думая об опасности, о том, кто может услышать его. Но он молчал. Он сопротивлялся – страх отступал, страх бежал рядом, заглядывая ему в лицо, выбирая момент, собираясь наброситься, чтобы остановить, погубить.

Победить.

Нет.

Он шел, не разбирая дороги, ловко уворачиваясь от веток, прибавляя шагу, он входил во вкус, он не боялся.

– Ничего, ничего, – цедил он сквозь зубы, – ничего, выйду, выйду! – сжав кулаки, Николай поминутно взмахивал ими, сбивая с деревьев сухую слоистую кору, – выйду назло!..

В эту минуту он ненавидел старика, как ненавидел тогда, в своем детстве, побежденного Женьку.

Да.

Ненавидел.

Он ненавидел Женьку, как только мог ненавидеть – это он понял сейчас. Вот почему он ударил его с такой силой, ударил в лицо, ударил впервые в жизни, хоть прежде не мог себе этого даже представить. Он не смел думать о том, чтобы ударить человека, даже самого плохого, самого гадкого, какого угодно, не смел, и смеясь над собой, и заставляя себя подумать, прилагая усилия, притягивая слабыми руками чугунный факт принадлежности к миру мужчин, все же не смел, даже когда бывал бит и унижен, и только ненависть, вдруг окрылив, лишила его постыдной робости.

«Старый черт, – думал он, – старый черррт!!! – как когда-то, не желая, не смея думать, думал о том, что он сейчас мог бы сделать с семидесятилетним стариком, прогоняя от себя неотвязные мысли, путаясь в них, не в силах совладать, натываясь снова и снова, – старый, старый черт, будь ты проклят!..»

Страх смерти равнодушно взглянул на него откуда-то сверху.

«Убил бы, убил бы, проклятого! – он с силой пнул первый попавшийся ствол, – подохнуть тут, подохнуть только потому, что старик испугался, запутался, заплутал, подохнуть в цвете лет, без всякой видимой причины, просто заблудившись в лесу... Как глупо, как страшно, как просто».

Слишком просто.

«Старая сука, – он взвыл, стиснув зубы, – старая, безмозглая сука!!! – как ты мог, как, как?!!!»

Внезапно он вспомнил, как сам недавно предлагал ему сдохнуть, напирая на это слово, с удовольствием глядя, как тот вздрагивает при каждом повторе, ему, одинокому, беззащитному старику, которому годился во внуки, грозил, унижая его, оскорбляя потому только, что старик не выказал мгновенного желания помогать ему в его странном, безумном деле, не собрал, не представил на его высочайший суд доказательных документов о жизни и гибели народа по имени Сталь.

«Угол падения равен углу отражения, – бывало, повторял отец формулировку известного закона физики, – и если отдаешь зло, не жди, что в ответ тебя будут любить...»

Сам, сам виноват, сам бросил Соню и Джона, сам пришел в эту вымершую деревню, сам нашел, сам хотел ответов, сам поил, соблазнял нищего старика, подбивал, подталкивал, сам отправился в лес, сам проспал – все сам, сам!!!» Голод, какого не испытывал он никогда прежде, ударил, будто дубиной, ноги его подкосились, он сел, не снимая мешка, привалился к сосне, вытянул ноги и руки. «Пить, пить охота, если бы пить, голод не так сказался бы, – он знал это с ранних лет, это было его открытие, – если пить – есть хочется меньше. Но пить было нечего. – Николай вздохнул, он хотел вспомнить, когда пил в последний раз и не мог. Кажется вчера за обедом, после соленой рыбы он отхлебнул несколько глотков из помятой стариковской фляжки, и только.» Вчера.

Он где-то читал, что человек без воды может прожить три дня от силы, а может быть, и того меньше. Стало быть, пошли вторые сутки, как он не пил воды, и значит в его распоряжении, в лучшем случае, сегодня и завтра – и все. В лесу сухо, как в пустыне, в овраге, в котором видел он убитых, была вода, да где он, тот овраг, и разве полез бы он в овраг за водой, разве рискнул бы – нет, только под страхом смерти.

Он вспомнил, как страх смерти равнодушно взглянул на него откуда-то сверху. Как бы там ни было – овраг тот теперь ему не найти, нипочем не найти, и не надо. Надо идти, во что бы то ни стало идти дальше на юг, то и дело выправляя маршрут, на юг, на юг, что бы ни было! Там река.

Николай рванулся, он хотел встать на ноги – голод, тяжесть бесчисленных пройденных километров прижали его к земле, он сбросил с плеча веревку, отпустил горловину мешка, сунул руку внутрь, пошарил, сухари нашел не сразу, найдя, разломил на ладони, бросил в рот острые осколки, принялся сосать. Он не чувствовал вкуса, вкус пришел погодя, хлеб черный, черст-

вый, когда-то мягкий, душистый, теперь сухой, как кора, набухал во рту, будто оживал, превращаясь в живительную кашу. Еще, потом еще. Силы возвращались, в животе заурчало, эх, запить бы!.. Наконец во рту сделалось сухо, слюна, вся влага была высосана сухим хлебом, последнюю горсть смочить было уже нечем. Николай проглотил сухое, ощутив плотный ком в пищеводе, глотнул еще раз, протолкнул глубже, потянулся, завязал мешок, оттолкнувшись от дерева, резко встал. Скоро начнет валить в сон, как всегда после обеда, даже если этот обед ничтожен, даже если скуден и мал, все равно качнет, все равно захочется лечь, полежать, посидеть, отдохнуть.

Нет!..

Нет.

Нельзя.

Никак нельзя.

* * *

Он шел и шел, и солнце садилось, и лес не кончался.

Он никогда не кончится, этот лес, потому что это не лес, а наказание божье за любопытство, за мальчишескую глупость и непослушание. Как трудно было добраться до Байкала, оттуда – до старика, как тяжело было уговорить Ивана, как мучительно, словно кто-то терпеливый и умный все время подсказывал ему, Николаю: не лезь, не надо, не ходи, не ищи, забудь!

Да он не слушал.

А ведь была мысль и не однажды – бежать, бежать отсюда к Соне, к ней, к ней, черт с ним, с этим народом, бог с ним!!! Подыхай теперь, пропадай, чего добился, чего доискался, нашел что?! Могилу? Стоило за этим переть в такую даль – нет, не стоило, не стоило даже начинать, затеваться, глупо было, смешно и глупо ему, городскому, лезть в дремучий лес, лезть с упорством носорога, толкая перед собой пустую, бессмысленную идею найти, сыскать народ, которого нет.

На юг, на юг!..

Теперь Николай больше смотрел вверх, чем под ноги, трижды он оступился, толстая ветка, которой он не заметил, больно ударила в лоб, высокое, сухое дерево с стремительным, гладким стволом толкнуло его своим каменным боком – мертвый лес жив! Внезапная эта догадка поразила его: «Он жив, жив и огромен, он изгоняет его, выталкивает, он сбивает его с себя, как человек с плеча ногтем сбивает муху. А может быть, он играет с ним, он смеется над ним?.. – Николай огляделся – лес молчал, и казалось, был равнодушен и тих, и однако в следующую минуту показалось ему, что лес дрожит, подавляя смех, дрожит всеми своими деревьями, всей землей, всем своим неохватным существом, он забавляется, он доволен, он играет и хочет играть, и если лес хочет играть – он не отпустит свою игрушку, покуда не наиграется досыта, досуха, до самой ее смерти».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.